

ЯН ВАЛЕТОВ

1917

ИЛИ

ДНИ ОТЧАЯНИЯ

Харьков
«Фолио»
2017

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наследник

**Петроград, Французская набережная.
Февраль 1918 года**

Ночь. Метель. Вдоль тротуаров — сугробы. Горит одинокий фонарь — остальные разбиты или расстреляны. В желтом свете лампы кружатся снежные струи. Ветер. Набережная пуста. По дороге идет патруль — три человека с винтовками. Идут тяжело, пригнув головы. На лицах — башлыки, забитые снегом, все в наледи от дыхания. Не горят окна. Не ездят машины и извозчики. Кажется, что во всем городе — замерзшем, темном и страшном, только эти трое и есть.

Но это не так. Из подворотни на патруль смотрит исхудавшая дворняга — жалкое лишайное существо непонятной расцветки. Собаке холодно, она дрожит и прячется от пронизывающего холода между двумя маленькими сугробами. Она видит солдат, но к ним не выходит — она уже хорошо знает, что такое люди с винтовками.

Патруль проходит мимо. Слышен крик:

— Стой! Стой, кому сказал?

— А ну, стоять! Стрелять буду!

Щелкает винтовочный выстрел. Несмотря на вьюгу, он оглушительно громкий. Дворняга вдавливая себя в снег, прижимает уши. Шерсть на холке встает дыбом, собака утробно рычит и скалится.

— Стой, сука!

Еще выстрел.

Короткий вскрик.

В подворотню хромая вбегает человек. Он в гражданском, без шапки, смертельно напуган и безоружен.

Хлещет еще один выстрел. За спиной бегущего из стены брызжет кирпичной крошкой. Обезумевшая от страха дворняга кидается вслед за беглецом в глубину проходных дворов.

В подворотне мечутся тени, скрипят по снегу сапоги солдат.

— Давай, давай, давай....

— От, бля... Куда побежал? Куда он побежал, сука?!

— Вот! Вот! Стреляй!

Оглушительно рвет морозный воздух выстрел трехлинейки.

— Промазал! Еб твою мать!

Погоня уходит в глубь дворов.

Темные колодцы с мертвыми окнами. Черное небо над ними.

Мечется человек, не находя выхода — двери заколочены или закрыты, остается только путь через подворотни.

Патруль все ближе.

Жметя к стенам беглец. Припав животом к снегу, поджав хвост, змеёй ползет вдоль подворотни ошалевшая собака.

Выстрел. И еще. И еще.

Человек падает на колени и кричит. Угодившая в локоть пуля почти отрывает ему руку. Человек встает, делает несколько шагов, а пес забивается в узкую щель под ступени дворницкой. Втискивается, сдирая шкуру, и замирает, тяжело дыша.

Мимо стучат сапоги. Собаку обдает запахом мокрой шерсти, пота, сгоревшего пороха и сивухи.

Грохочет винтовка.

— Есть! Попал!

Дворняга дрожит всем телом, как в ознобе, и тихонько скулит.

— Чо, сучий потрох, бегашь? А?

— Не скажет он тебе, Гаврилов. Ты ему пол-лица снес нахуй...

Хрип, бульканье...

— Вот, сука.... И карман не проверить, пачкается... Кровищи-то...

— Дай-ка я... Да посторонись ты, бля...

Хруст. Звук мясной, неприятный, повторяется несколько раз.

— Ну, все...

— Не все... Ногами, вишь, сучит, бегунок... Да чо ты его? Штыком всю ночь ковырять будешь?

— Да я штыком больше люблю, вернее...

Хлещет пса по ушам винтовочный выстрел.

— Вот так вернее...

— Ты мне, сука, все валенки заляпал!

— Перетопчешься... Ну, чо там?

— Пусто. Ни курева, ни бумага...

— Подкладку пощупай! Они там часто прячут. Штыком порани!

Трещит рвущаяся ткань.

— Да, пустой он...

Кто-то из троих звучно харкнул.

— Зря бежали.

— Чо, зря? Чо этот хуй с бугра ночью без мандата шастает! Мы поставлены за революционной законностью смотреть? Или как?

— Или как. Пошли, бля!

— Да погоды! Дай поссать!

Журчит струя. Моча, дымясь, льется через щели в ступенях прямо на дворнягу. Собака дрожит всем телом, глаза лезут из орбит, но не издает ни звука.

Стучат шаги. Голоса удаляются.

— Он, падла, думал убежать! А пуля-то быстрее!

— Может, он юнкер?

— Какой, нахуй, юнкер? Ему лет тридцать, не меньше!

— Юнкер — не юнкер... Все! Отбегалси!

Дворняга выбирается из-под крыльца.

Двор пуст. Ни одно окно так и не зажглось. Пес принюхивается.

Рядом с крыльцом на снегу желтые разводы мочи. Несколько гильз. Чуть дальше темной грудой тело. Все вокруг забрызгано темным. Черная на белом лужа возле места, где была голова беглеца.

Собака нюхает темное и начинает жадно есть снег, смешанный с кровью и кусками мозга. Скулит от жадности, чавкает и давится подтаявшей жижей.

Потом подбегает к трупу и лакает темное из лужи.

Иногда она оглядывается и рычит.

Набережная Невы. Ночь. Февраль 1918 года

По Набережной едет грузовой автомобиль. Фары высвечивают летящий снег, сугробы по обочинам. Метель. В кабине — двое. Водитель в кожанке на меху и пассажир в короткой дохе, перетянутой портупеей и с коробкой маузера на боку. Воет мотор. Автомобиль трясет на колдобинах.

Петропавловская крепость. Каземат

Грузовик сворачивает к воротам Петропавловской крепости. Створки распахиваются. Внутри огонь, люди, машина въезжает во двор.

Человек с маузером выскакивает из кабины. У него военная выправка — разворот плеч, прямая спина, четкие движения. Из кузова грузовика выпрыгивают двое конвоиров с винтовками — замерзшие и злые.

Бубенцов с сопровождающими входит внутрь казематов.

Вот он шагает по коридору вслед за человеком в армейской шинели. Тусклый свет потолочных светильников. Холодно, хотя и не так, как на улице. От дыхания идущих в воздухе пар.

Петропавловская крепость. Трубецкой бастион.**Кабинет коменданта Павлова**

Входит человек с маузером. Павлов — сравнительно молодой мужчина крестьянской наружности — встает ему навстречу.

В комнате натоплено, в углу стоит разогретая докрасна печь-буржуйка.

— Спецуполномоченный Бубенцов, — представляется вошедший. — Петроградская ЧК. У меня особое поручение от товарища Троцкого. Вот мандат.

Протягивает бумагу коменданту.

Тот читает документ, шевеля губами.

— Куда везете? — спрашивает он.

Бубенцов пожимает плечами. У него гладкое лицо с правильными чертами, скуластое, незлое. Равнодушное.

— В Кресты.

Петропавловская крепость. Трубецкой бастион

По коридору конвоир ведет Михаила Ивановича Терещенко и Николая Михайловича Кишкина. Оба выглядят непрезентабельно — с неприятными бородами, в грязных свитерах, исхудавшие. В руках простыни серого цвета, сырые и застиранные, в которых завязаны личные вещи и, если судить по форме, несколько книг.

В каземате холодно, камеры давно не отапливаются. На обоих надето все, что возможно надеть, но чувствуется, что это особо не помогает.

— Куда это нас? — спрашивает Кишкин у Терещенко.

— Молчать! — лениво огрызается конвоир.

Кишкин не обращает внимания на окрик.

— Как вы думаете, Михаил Иванович? Это на расстрел?

— Молчать! Прямо шагай!

— Не знаю, Николай Михайлович, — отзывается Терещенко. — Одно из двух: или расстреляют, или не расстреляют. Что-то да будет...

Коридор длинный, с круглым сводом. Справа двери камер, слева зарешеченные окна. За окнами все та же метель.

Петропавловская крепость. Трубецкой бастион.

Караульное помещение

Бубенцов и двое конвоиров ждут заключенных в караулке. Когда их заводят, чекист ухмыляется краем рта.

Кишкин, увидев чекиста с маузером на боку и двух конвойных, бледнеет. Терещенко тоже становится не по себе.

— Ваши вещи, граждане, — говорит Бубенцов, указывая на стоящие перед ним два небольших чемодана. — Одевайтесь и следуйте за мной. Вы поступили в мое распоряжение.

Набережная Невы. Ночь. Февраль 1918 года

Грузовик подъезжает к «Крестам», тормозит у ворот. Сигналит. В кузове — конвоиры и Кишкин с Терещенко. За боковым стеклом кабины виден профиль Бубенцова.

Ворота открываются. Автомобиль заезжает во внутренний двор тюрьмы.

Внутренний двор «Крестов»

Задний борт грузовика откидывается.

— Выходите!

У машины стоит Бубенцов. Рядом с ним солдаты из тюремного гарнизона — шинели, ружья, красные от сырого ледяного ветра лица.

Терещенко и Кишкин прыгивают с кузова на заснеженный двор.

— Вещи поставить. Три шага назад. Кругом. — командует чекист. — Смирно стоять.

Машина, воя двигателем, отъезжает в сторону.

— Ну что, господа министры, — говорит Бубенцов. — Настало время прогуляться. Шагом.... марш!